

КАМЕНЬ, ИЗЛУЧАЮЩИЙ СВЕТ

В Ереване, пожалуй, невозможно спрятаться от величественного Арарата. Куда бы ты ни шел, гора словно преследует тебя. Точнее, напоминает о себе. Наверное, и сам Ереван так же хорошо виден с вершины библейской горы, на которой, согласно легенде, во время всемирного потопа Ной нашел пристанище. Легенда гласит и о том, что, обозревая горизонт с самой высокой точки Армянского нагорья, Ной увидел площадку спасительной суши и воскликнул «Еревуме!», что по-армянски означает «Видно!». Отсюда и название города, которому через две тысячи семьсот два года после своего рождения суждено было стать двенадцатой по счету столицей страны Наири.

В легенду можно верить и не верить. Легенду можно забыть. Но ее нельзя потрогать руками, как, скажем, можно трогать руками камень. И может, именно об этом думал Николай Васильевич Гоголь, написав: «Когда молчат легенды, сказания и песни, о древнем говорит архитектура». Архитектурные памятники, особенно в Армении, — это прежде всего строения из камня. А камень — синоним вечности.

Ереван древнее Вечного города. Значит, и сам он вечный город. Один из немногих античных полисов, имеющих документальное свидетельство о рождении. Базальтовая плита, на которой высечено клинописью: «Царь Аргишти, сын Менуа эту мощную крепость построил, установил для нее имя Эребуни...» Плита эта сегодня является самым бесценным экспонатом в музее «Эребуни». Ее можно трогать руками.

Город, олицетворяющий судьбу своего народа, не раз предавался огню и мечу и всякий раз поднимался из руин, как птица Феникс из пепла. Бывало, все и вся в округе подвергалось огню. Нетленными оставались лишь вечный свидетель истории армянского народа библейский Арарат и базальтовая плита — свидетельство о рождении стольного города, который, сколько помнит себя, всегда боролся, всегда сражался с про-

тивниками. Сражался, как солдат. Он всегда был прав, этот солдат. И не случайно один из мудрецов высек на надгробном камне воинов, погибших за освобождение города: «Солдат, который не признает себя побежденным, всегда прав». Слова эти после, обретя крылья, облетели мир. Их теперь можно встретить на многих камнях братских могил.

Поэт Геворк Эмин армянский камень сравнивал со школьной доской. В своей знаменитой книге «Семь песен об Армении» он пишет: «Много разных камней в Армении, но здесь почти не найдешь камней неграмотных... Поскреби любой из них, и ты обнаружишь на нем то клинопись, то армянские письмена, то орнамент или барельеф». Чаще всего невозможно определить автора письмен или орнаментов. Но почти всегда удается определить их возраст. Как не раз это удавалось делать историку Павлу Геворковичу Сафяну, одному из авторов капитальной монографии «Наскальные изображения Сюника». С Сафяном мы посетили местечко Ухтасар, что в тридцати километрах от районного центра Сисиана на высоте около трех тысяч трехсот метров над уровнем моря. Их, камней с древними изображениями, целый океан. Наскальные изображения, или петроглифы, являются уникальным источником для изучения первобытной культуры. Они известны в народе под названием «ицагир» (по-армянски — «козье письмо»). Редкостный в мире музей под открытым небом. Экспонаты V—II тысячелетий до нашей эры. На каменистых склонах Ухтасара я видел подлинные шедевры, которые впечатляют высокой художественностью и богатством тематического содержания. Специалисты насчитали здесь более двух тысяч каменных обломков, разнесенных рукой нашего античного предка.

Бродили по Ухтасару. Отсюда хорошо виден гористый уголок Сюника — древней провинции Армении. У одной из скал Павел Сафян заговорил:

— Эти каменные полотна — словно книги. Их можно читать. Они отображают жизнь и быт наших далеких прародителей. По петроглифам можно судить о так называемом мифологическом, космографическом мышлении первобытного человека. По ним, кстати, можно хорошо представить фауну времен древнейшей Армении — Урарту: здесь олень, газель, зубр, тур, бык, лошадь, вепрь, собака, волк, медведь, шакал, барс, гепард, лев и, конечно, разнообразные птицы. Много изображений сцен охоты с характерными позами охотников. Рисунки дают возможность воссоздать картины различных эпох.

Я слушал рассказ историка, и мне казалось, что волшебная «машина времени» перебросила нас на семь тысяч лет назад. Дух захватывало от одного только сознания того, что ты можешь руками дотрагиваться до «каменного полотна», над которым работал твой предок.

К великому сожалению, эти бесценные творения рук человеческих зачастую повреждаются, а то и исчезают. До сих пор мы не можем добиться того, чтобы эта уникальная естественная художественная галерея стала официальным заповедником. Бывали случаи, когда «экспонат» дробили, чтобы легче было очищать землю под пашни. С десятков таких камней Павел Сафян перевез в город. Их можно увидеть в Советском районе Еревана. В сквере сложен курган из камней, на которых есть изображения семитысячелетней давности.

К каменному Еревану и ереванским камням мы еще вернемся. А пока — о камне вообще.

На очень полюбившемся мне воздушном вездеходе — вертолете — я облетел всю нашу республику. Стоит в салоне такой невероятный гул, что даже самые заядлые болтуны умолкают. И хочется лишь одного: смотреть вниз. Пилоты частенько разрешали мне устраиваться на стекле в самом носу кабины. Удивительное ощущение. словно летишь над горами сам. Чаше всего вертолет двигается на высоте пятисот метров над землей. Иногда сама земля словно вырастает под тобой, и тогда кажется, что она вот-вот коснется твоих ног. Все как на ладони. Под брюхом вертолета медленно проползает выжженное оранжевое нагорье, сплошь усыпанное черными, белыми, красными камнями. Нередко бросаются в глаза ровные круги, обрамляющие верхушки сопки. Им, этим кругам, миллионы лет. Некогда они были кратерами вулканов. Некогда здесь земля гудела и ревела, выбрасывая на поверхность мириады черных, белых, красных камней.

Многие считают, что Армения — это страна камней. По легенде, когда Бог разбрасывал землю по планете, он стоял именно на территории будущей Армении. Может быть, и впрямь Бог стоял именно на этом месте. Однако, как известно из истории, Армения некогда располагала огромными лесами, полями. Но, к великому сожалению, земли эти находились на, как принято говорить, бойком перекрестке шумных караванных дорог. И на протяжении веков варвары-пришельцы наносили один за другим смертельные удары народу, который первым принял и узаконил в своей стране христианство. Лишившись

морей, лесов, полей, лугов, народ этот, вернее часть его, остались жить на каменистых пустырях.

...Говорят, практически невозможно бывает определить, обозначить конец дороги. Разветвляясь, она обычно продолжается. Проселочная переходит в большак, который где-то, на каком-то перекрестке, дробится и расползается змейками в разные стороны. Пожалуй, лишь дорога из Еревана в Гегард имеет четкий конец. Там, где кончается асфальт, там кончается всяческая возможность передвижения на машине. Дорога упирается в скалу с одной стороны, в ущелье — с другой. Путнику приходится пешком взбираться по пологому склону горы к подножию удивительного храма. Сюда я не раз привозил моих гостей и всякий раз ловил себя на мысли, что волнуюсь не меньше их. Выдолбленный в скале храм. И не один, а два. Его можно назвать даже двухэтажным.

Предание гласит, что храм Гегард начали творить (здесь никак не подходит глагол «строить») в IV веке. В самом начале принятия Арменией христианства. История не сохранила имени каменотеса, который первым, находясь на вершине скалы, сделал удар молотком. Нанося первый удар по гранитной скале, он и не предполагал, что в далеком XX веке соберутся здесь ученые, математики, архитекторы и будут спорить. Они будут спорить о том, какие расчеты использовали в работе далекие предки.

Возвращаешься из Гегарда через село Гарни. Это один из древнейших населенных пунктов Армении. Здесь на отвесном берегу реки Гарни еще в III веке до нашей эры была построена мощная крепость, за которой укрывалась летняя резиденция армянских царей. А в первом веке царь Трдат Первый воздвиг языческий храм Солнца — квадратное одноэтажное здание с классическими портиками и колоннами. Здание было разрушено вандалами до основания. Землетрясение завершило разрушительную работу. Время стерло из памяти людей первоначальный облик памятника архитектуры. От сооружения остались лишь основания некоторых колонн. Архитекторы и археологи вели исследовательскую работу. Спорили, постигали истину. И вот архитектор Александр Саинян, двадцать лет занимавшийся изучением тысяч и тысяч камней — осколков храма, разбросанных по ущелью реки, сумел зримо воссоединить их и на ватмане воспроизвел первоизданное «лицо» храма и представил свой труд коллегам. Не все ему поверили. Утихли споры, вернее, начисто прекратились, лишь тогда, когда из ты-

сяч осколков был восстановлен храм Солнца, самый древний дохристианский памятник на территории нашей республики.

Я совершил многомесячное (беспрерывное) путешествие по Советской Армении, побывал во всех без исключения населенных пунктах республики и в который раз уже убедился, что армянин, где бы он ни находился, не может жить без камня. Не может жить, не работая с ним. В душе каждый из моих собратьев — каменотес. Стране четыре тысячелетия, а чуть ли не все жилые дома на территории Армении построены сегодня, на наших глазах. Душа радуется, когда смотришь на новехонький добротный домик, утопающий в зелени. Приблизись к нему и не можешь скрыть своего волнения: узоры на стене, орнамент на заборе. Все сделано со вкусом.

Одно время казалось, что канули в Лету старые мастера, думалось, не увидишь теперь новых хачкаров, без которых невозможно представить армянскую архитектуру, армянскую культуру. Художник импровизирует на камне. Такова главная идея хачкара (от слов «крест» и «камень»). Соблюдая определенные каноны — в центре должен быть крест, а вокруг орнамент, — творец пишет собственную музыку, собственную песню на камне. Ни один штрих, ни один узор не должны повторяться в работе. Никакого плагиата. Их, хачкаров, только на территории Советской Армении насчитывается около десяти тысяч. Сохранились они в большом количестве и в других землях. За рубежом многие из них охраняются ЮНЕСКО. Дело в том, что современные вандалы ломают хачкары, используют их как строительный материал. И дабы оправдать преступления перед общественным мнением, прибегают к известной издревле тактике профессиональных вандалов. Новоявленные «ученые» то там, то тут истерически кричат, что хачкары, мол, это вовсе не явление в армянской архитектуре и вообще ничего общего не имеют с настоящей культурой. Разумеется, подобного рода «учеными» истинные представители науки дают должный отпор. Однако порой, к великому сожалению, на глазах у современников уничтожаются подлинные шедевры храмового и архитектурного искусства.

Лишь один необычный факт уничтожения хачкара могу оправдать.

Посетил я однажды своего друга. У подъезда его дома представлена была к стене крышка от гроба. Во дворе много людей. Шла панихида. Скончался дед моего друга. Мы с ним молча сидели у гроба, в котором лежал крупный старик с белыми

пышными усами. Воздух был наполнен траурной музыкой. У гроба всегда рассказывают, как умирал человек. И друг рассказывал, как умирал его дед:

— Вот уже два года, как он возился во дворе с большим камнем. Мы привезли по его просьбе эту глыбу на самосвале. С утра до вечера слышен был стук по камню. Мы все подтрунивали над дедом. Но все же радовались: он занят делом. Два года назад он сильно приболел, и мы думали, пришел конец. И вдруг этот камень. Благодаря ему, можно сказать, дед встал на ноги. Он творил хачкар. Свой последний хачкар. Он все рассказывал, что родился на камне. И дело не в том, что хотурджурская земля, на которой родился дед, была каменистой. Прадед мой был каменотесом. И дед говорил, что стук молотка и зубила по камню он слышал еще в утробе матери. Предки мои были творцами хачкаров. И дед мой, сколько себя помнил, держал в руках резец и молоток. Трудился он вместе со своим отцом. Содержали они, благодаря своему ремеслу, многочисленную семью, дед был самым старшим среди девяти братьев и сестер. Последний хачкар они с отцом создавали в Хотурджуре весной тысяча девятьсот пятнадцатого... Турки всю семью вырезали. Деда нашли деревенские старухи. Он лежал недвижимый среди трупов. В нем еще теплилась жизнь, и его выходили. Выжил и всю жизнь помнил не только родных людей и родную землю, но и каждую линию, каждую черточку узора на последнем хачкаре. Помнил и не забывал. Я всегда слышал от него фразу: «Человек неповторим, как узоры на хачкаре». Для него хачкар был существом живым. И вот он взялся за свою последнюю работу. И узоры на хачкаре были такие же, как на том, хотурджурском. Все говорил, что даже цвет камня, светло-розовый, совсем такой, как у хотурджурского. Два года колдовал дед над камнем и закончил работу два дня назад.

— А где теперь хачкар? — спросил я тихо, не сводя взгляда с неподвижного лица старца.

— Нет хачкара.

— ?!

— Позавчера дед разбил его вдребезги.

— Почему?

— Решил, если сохранит последнюю свою работу, то тем самым предаст тот, хотурджурский хачкар. Ведь хачкар, как человек, неповторим. И дед твердо верил, что хотурджурский хачкар жив. Он так и говорил: «жив». И будет жить.

Я верю в это...

Нередко мы расточительно относимся к самому материалу, из которого создаются эти самые шедевры. По всей Армении сегодня добывается строительный камень. Потребность в нем большая. И это отраднo. «Строить — это значит не просто жить, а улучшать жизнь» — так говорят у нас давно. И сегодня мы воистину улучшаем нашу жизнь. Однако кое-что делаем, не очень задумываясь о завтрашнем дне. Посетил я все каменные карьеры республики. Расскажу лишь о самом главном, знаменитом Арктиском камнедобывающем комбинате, который называется одним словом «Арктикуф». Предприятие создано в 1928 году. Тогда по плану добывали до двадцати пяти тысяч кубометров уникального красного камня. Сейчас цифра эта возросла до полумиллиона. Есть чему радоваться. Но не будем спешить. Оказалось, чтобы добыть такое количество камня, надо переработать залежи объемом, превышающим добычу в три раза. Кто-то когда-то бросил сомнительную фразу: «Арктиский туф неисчерпаем». И иные чиновники, страдающие явной близорукостью, чуть ли не с гордостью приносили слово «неисчерпаемый». Однако все имеет предел в природе. Все можно исчерпать. Но мы почему-то безоговорочно поверили в неуязвимость этого магического слова и, загнипнотизированные его воздействием, все расширяем и расширяем производство бесценного камня. А камень действительно бесценный. В мире еще в некоторых местах можно найти месторождение туфа. Но по качеству такого, как в Артике, нигде нет.

Могут возразить: мол, строить-то надо. В конце концов, камень для того и существует, чтобы строить. Камень — да. Но не арктиский туф, который золоту подобен. Для того, чтобы золотом сверкал церковный купол, русские зодчие не строили купола из драгоценного металла. Позолотой покрывалась поверхность купола. Арктиский туф — это тоже декоративный, облицовочный материал. И не больше. Здания выше шести этажей строить из туфа нельзя. Камень рассыплется. И, зная об этом, строили сплошь пятиэтажные дома из нашего красного золота. Совершенно непонятно, почему при строительстве дома нужно, что называется, класть туф на туф. Почему бы везде и всюду не употреблять железобетонные блоки, а туф использовать только как облицовочный материал? Ведь запасы его, к сожалению, исчерпаемы. Неисчерпаемы они могут быть только теоретически. Критерием истины, как нам известно, является практика. И что же мы видим на практике?

Повторяю, чтобы «Арктикуфу» ежегодно добыть и произвести до полутора миллиона кубометров камня, нужно «перелопатить» более миллиона кубометров сырья. В официальных документах отмечаются: «отходы до 600 тысяч кубометров». Но почему-то эти самые «отходы» пишутся без кавычек? С каких это пор часть камня, кусок камня перестали называть камнем? Камни нам нужны большие и маленькие. Нужны даже крошки. Ведь из так называемых отходов можно производить заменители бетона, можно их использовать как уже готовый строительный материал, можно тут же организовать на месте производство прессованных плит. Но у нас этого не делается. У нас к категории отходов отнесены шестьсот тысяч кубометров туфа на комбинате «Арктикуф» и всего около миллиона в Арктикском районе. Я попросил специалистов произвести хотя бы примерные расчеты: что можно построить из одного миллиона кубометров камня? Оказалось, расчеты уже сделаны давно и их можно найти в любом специальном издании. Из одного миллиона кубометров камня можно построить 1600 пятиэтажных домов, в которых могли бы жить пятьдесят тысяч семей. И это только из «отходов», полученных всего лишь в течение года. Есть подсчеты, показывающие, сколько строительного материала потерял один только «Арктикуф» за пятьдесят лет.

Разработка туфоловы должна производиться грамотно и бережно. Запасы туфа у нас действительно обширны. Залежи сырья доходят до глубины сорока метров. Именно имея в виду эти площади и глубины, иные ученые говорят о «неисчерпаемости». А на практике — глубже семи метров разработки никогда не ведутся, ниже не опускаются. Так легче. Так дешевле. И вот результат — разворотили всю землю на огромных площадях. За последние годы только у сельскохозяйственного Арктикского района была отобрана и, конечно, начисто уничтожена тысяча гектаров земли. Добавим к этому, что по иронии судьбы самый высококачественный туф, как правило, залегает под самой высококачественной землей. Правда, ведутся разговоры о том, что нужно проводить так называемую рекультивацию: разравнивать заброшенные карьеры и завозить землю. Но это всего лишь разговоры. Во-первых, не совсем понятно, откуда будут завозить саму землю. Я побывал во всех сельских районах и что-то нигде не видел хотя бы одной пяди «свободной», «лишней» земли. И потом, как можно рекультивировать земли, когда знаешь, что под ногами лежит сорокаметровый слой туфа. А что же будет здесь, скажем, через десятки лет? Неужто, чтобы

добираться до залежей туфа, будущее поколение вновь вынуждено будет раскурочивать теперь уже нами рекультивированную землю? Почему бы уже сейчас не подумать о будущем поколении?! Тем более что это наш прямой долг.

Я видел, с каким уважением, с какой святостью относятся в Узбекистане к хлопку. В уголовном кодексе республики есть специальная статья, карающая каждого, кто посмеет испортить хотя бы коробочку хлопка. На многих зданиях Ташкента написано крупными буквами: «Хлопок — национальная гордость узбекского народа».

Туфовый камень — наше красное золото. Напрасно думаешь, что он лежит готовенький на поверхности. Его добывают так же, как хлопкоробы добывают хлопок, как старатели — золото. Нет в мире ничего тяжелее труда каменотеса. И мы с полным правом можем написать на наших домах: «Туфовый камень — национальная гордость армянского народа».

...Земля-камень. Камень-земля. Как ни крути, ни верти, слова эти у нас произносятся вместе. Когда говорят, что из камня можно выжать вино, имеют в виду, конечно, что прежде вдохнули в камень саму жизнь. И никто уже не удивляется, когда «камень цветет». Как никто в Армении не удивляется названию прекрасной книги о моей родине, написанной Эдуардасом Межелайтисом: «Каменное вино». Никакого парадокса. Все верно.

Собственно, видно, сама земля у нас такая. И, как вино, она портится быстро, если не сохранить ее. Грешно портить землю. Так любил говорить мудрый старец, которого во всей округе звали дедом Андраником. Он был земледельцем. И дед его, и дед его деда были земледельцами. Казалось, сам Бог издевался над всей династией деда Андраника. Он им дал могучий талант землепашца, но не дал самой земли. Дал камень.

Крохотные клочки каменистых пустырей дед Андраник превращал в цветущие островки — оазисы. Убирал камни, разрыхлял землю, привозил, а еще точнее — приносил на себе почву или дерн издалека... И когда, как уже говорилось, в шестидесятых годах в Армении были созданы механизированные отряды, призванные вести бой с камнями, ученые не постеснялись обратиться за советом к девяностолетнему деду Андранику. Справились у деда: «С чего начать?» Он ответил: «С конца». И стал объяснять свою мысль. «Надо помнить: когда уберете огромные камни, разровняете землю, распашете ее, на поверхность будут вылезать крохотные камушки. Вот их-то убирать и

не надо. Они за день нагреваются и на вечерней зорьке греют землю, тем самым продлевая «тепловой день». И еще дед предлагал ученым, прежде чем начать ворочать скалы, найти место, куда можно будет складывать камни. «Надо выбрать такой участок, который никуда не годится, — говорил он. — Нельзя воздвигать каменные курганы на земле, на которой может вырасти хотя бы одна травинка».

Сегодня по всей республике так и делается, курганы вырастают на скальных породах. Сегодня уже нет в живых деда Андраника. И курганы эти стоят словно памятники великому мудрецу. Правда, у великого мудреца есть своя могила. За несколько месяцев до смерти он начал выдалбливать яму на базальтовом участке поля, который, может, с высоты птичьего полета казался просто обсевком. Его все расспрашивали, для чего он долбит яму. А он вроде отшучивался — мол, роет себе могилу. Выяснилось, что дед вовсе не шутил. Перед смертью завещал похоронить его в выдолбленной им яме, на участке-обсевке. «Слишком хороша земля на деревенском кладбище. Грешно...» Это были последние слова деда Андраника.

Сыновья выполнили завещание деда Андраника. Они не поставили на могиле великого мудреца камня. Старик просил, чтобы засеяли его могилу пшеницей, хлебом. Один из внуков Андраника изменил профессии дедов. Он стал каменотесом. Володя Бабаян. Могучего телосложения, с мощными руками. Он восстанавливал Гарни. И сегодня он продолжает восстанавливать другие шедевры армянского зодчества.

Словно изголодавшийся по резцу каменотес, с особой страстью работает он сегодня в Ереване. Я часто останавливался в центре города на Московской улице рядом с бывшим зданием Аэрофлота. Часами мог смотреть, как мерно ударяют молотки по гранитной глыбе. Совсем молодые каменотесы и седовласые старики воздвигали памятник творцу современного Еревана академику Александру Таманяну. Это первый в мире памятник архитектору. Склонившись над базальтовым столом, стоит мудрый зодчий, о котором Чаренц говорил: «Этот человек, наверное, видел город солнца». И слова эти высечены на камне.

В Ереване есть и еще один памятник, о котором можно сказать «первый в мире». Армянский драматург Габриэл Сундукян, умирая, завещал, чтобы памятника ему не ставили. Если же благодарный народ все же сочтет нужным это сделать, говорил он, то пусть воздвигнут памятник его популярному литера-

турному герою Пэпо из одноименного произведения. Сегодня из многопудового камня высечена фигура неугомонного Пэпо прямо перед входом в Государственный театр, носящий имя Сундукяна.

Каменный город. Город из камня. Камень-город. Так часто называют мой розовый Ереван, который в ясное прохладное утро перекрашивается в малиновый цвет, и малиновые дома уходят к самому подножию сине-белого Арарата.

Ереван построен на холмах. Каждый из них имеет свое название, свою историю. Одним из самых именитых, что ли, холмов является Циернакаберд — ласточкина крепость. Археологи установили, что еще во втором тысячелетии до нашей эры место это было заселено. Здесь обнаружена крепость с квадратными башнями. Поселение со следами циклопической кладки. Еще в начале шестидесятых годов XX века Циернакаберд со своей каменистой пустынной вершиной был источником пыли, с которой трудно было в городе справиться, особенно по вечерам, когда в этих местах поднимался «традиционный» ветер. Сегодня здесь раскинут густой парк. На вершине холма воздвигнут мемориальный комплекс — памятник жертвам геноцида. В парке Победы из ярко-красного туфа сооружен памятник. Свободная пространственная композиция из протянутых к небу рук выполнена лаконично и экспрессивно. Разнообразие точно найденных жестов выражает широкую гамму чувств — гнев и протест, проклятие и возмездие, веру в победу.

Многие памятники Еревана в ночное время освещаются. Такое впечатление, будто сам камень порождает свет. И в этом, на мой взгляд, есть великий смысл. В Армении не говорят «родная речь», «родной язык». Только — «материнский язык». В Армении главный город республики не называют стольным, столицей. Только — Майракахак. Город матери или материнский город.

Сегодня камни двенадцатой столицы Армении излучают свет.

Свет матери.